

УДК 94 (574):008

ББК63.3(5Каз)614-7

Система управления художественной отраслью Казахской ССР во второй половине 1930-х гг.: структурно-кадровые аспекты

Е.Ю. Рахматулина

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический
и природно-ландшафтный музей-заповедник (Усть-Каменогорск, Казахстан)

The Management System of the Art Industry of the Kazakh SSR in the Second Half of the 1930s: Structural and Personnel Aspects

E.Yu. Rahmatulina

East-Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape
Museum-Reserve (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Рассматриваются структурные и кадровые аспекты развития системы управления художественной отраслью Казахской ССР во второй половине 1930-х гг. Известно, что с 1936 г. в Советском Союзе проходили сложные структурно-институциональные процессы в системе управления культуры и искусства, когда вся полнота власти переходила из ведения Наркомпроса в ведение Всесоюзного комитета по делам искусств. Параллельно в Казахской ССР начался этап активного формирования республиканской художественной инфраструктуры, главой которой было определено специальное ведомство — Управление по делам искусств при СНК КазССР. Материалы из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) позволили прояснить, что наблюдавшийся во второй половине 1930-х гг. структурно-кадровый и производственный кризис в отрасли был опосредован общим управленческим кризисом, последовавшим после номенклатурных чисток 1937–1938 гг., и указывал на произошедшую за короткий период трансформацию в системе государственных приоритетов, приведшую к замене руководителя-«новатора» на руководителя-«функционера».

Ключевые слова: Всесоюзный комитет по делам искусств, управление по делам искусств при СНК КазССР, художественные институции, система управления, кадровая политика.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)6-06

Проблема создания и функционирования системы управления художественными институциями в Казахской ССР во второй половине 1930-х гг.

The focus of the article is on the structural and personnel aspects of the development of the management system of the art industry of the Kazakh SSR in the second half of the 1930s. It is known that since 1936 complex structural and institutional processes took place in the Soviet Union in the system of management of culture and art, when all power was transferred from the jurisdiction of the People's Commissariat of Education to the jurisdiction of the All-Union Committee for the Arts. In parallel, in the Kazakh SSR, the stage of active formation of the republican art infrastructure began, at the head of which a special department was determined — the Department of Arts under the Council of People's Commissars of the Kazakh SSR. Materials from the Russian State Archive of Literature and Art (RSALA) made it possible to clarify that the observed in the second half of the 1930s. The structural, personnel and production crisis in the industry was mediated by a general managerial crisis that followed the nomenclature purges of 1937–1938, and indicated a transformation in the system of state priorities that had taken place in a short period, which led to the replacement of the head of the “innovator” with the head of the “functionary”.

Keywords: All-Union Committee for Arts, Department for Arts under the Council of People's Commissars of the Kazakh SSR, art institutions, management system, personnel policy.

не входит в число приоритетных. Советские ученые, занимавшиеся изучением довоенного периода развития Казахстана, поставленные в рамки марк-

систско-ленинской методологии, рассматривали ее создание как процесс, всецело сопряженный с деятельностью «ведущей и направляющей партии большевиков». В связи с этим историки лишь констатировали факт формирования управленческой системы в Центрально-Азиатском регионе и отмечали его прогрессивный характер. Однако всестороннего анализа структуры, механизмов функционирования системы управления художественными институтами с изучением особенностей советской кадровой политики предпринято не было. В настоящее время в казахстанской историографии практически отсутствуют труды обобщающего характера по данной тематике, исследовательские приоритеты смещены в сторону изучения биографий и деятельности наиболее видных представителей советской номенклатуры сталинского периода, к числу которых принадлежит и нарком просвещения республики Темирбек Караевич Жургенев [1].

Несколько иная ситуация сложилась в российской историографии. На рубеже 1980–1990-х гг. появились монографии, раскрывающие различные стороны процесса становления государственных органов управления и развития советской номенклатуры — это работы Т.П. Коржихиной [2], М.С. Восленского [3], Е.Г. Гимпельсона [4]. Со второй половины 1990-х гг. на базе научной школы МГИМО оформилось инновационное научное направление — элитология, занимающееся изучением элит, т. е. высшего управленческого слоя в социально-политической стратификации общества [5, с. 27]. Обновленная научно-методологическая база позволяет по-новому взглянуть на процессы управления сталинского периода, охарактеризовать его кадровый состав и систему взаимоотношений. Однако, несмотря на подвижки методологического характера, можно констатировать, что по-прежнему положение управленцев национальных государств в период 1930-х гг. изучено слабо. В ряду современных работ по теме выделяется коллективная монография 2017 г. «Этнические элиты в национальной политике России» под редакцией В.В. Трепавлова [6], в которой прослежена эволюция развития национальной элиты народов Евразии и ее сложные пути взаимодействия с руководящим Центром, содержательно, посредством анализа организационных и институциональных форм функционирования элит, охарактеризован период 1930-х гг.

Данная статья подготовлена с привлечением делопроизводственных документов из фондов Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В работе большую значимость приобрел Фонд 962 «Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (Москва, 1936–1953)», где широко представлены материалы различного характера, в том числе исходящие из Всесоюзного ко-

митета по делам искусств СССР и управления по делам искусств Казахской ССР. Большой частью это приказы, инструкции, докладные записки, деловая переписка, заключения по годовым отчетам, датируемые 1936–1939 гг. Архивные источники позволили прояснить структурные, функциональные особенности республиканского управления 1930-х гг., определить характер взаимоотношений в системе Всесоюзный комитет — республиканское управление по делам искусств, а также выявить специфику влияния партии на процессы управления.

Значительные структурные изменения в управлении художественной отраслью страны произошли в 1932–1933 гг., когда из ведения Наркомпроса РСФСР, ранее курировавшего это направление, были полностью выведены вопросы искусства [7, с. 4]. В Казахской АССР/ССР первым руководителем Комитета по делам искусств был назначен возглавлявший одновременно Народный комиссариат просвещения республики, опытный управленец Темирбек Караевич Жургенев, с именем которого связаны наиболее видные достижения культурной революции 1930-х гг. [8, с. 36]. С получением статуса союзной, т.е. с 1936 г., начала выстраиваться разветвленная республиканская система управления художественной отраслью, включающая административные органы и сеть подведомственных организаций и творческих объединений. Общее руководство закреплялось за республиканским управлением по делам искусств при СНК КазССР. Контроль на областном уровне возлагался на управления по делам искусств при областных исполкомах, активный этап формирования которых пришелся на 1936–1938 гг. Уже к 1939 г. в КазССР насчитывалось 11 областных управлений по делам искусств, расположенных в городах Алма-Ате, Семипалатинске, Чимкенте, Актюбинске, Уральске, Петропавловске, Кустанае, Караганде, Гурьеве, Павлодаре, Кызыл-Орде [9, л. 62]. Архивные документы показывают, что в 1938 г. прошла очередная волна управленческой реорганизации, что повлекло за собой изменения на местном уровне. При этом областные управления по делам искусств преобразовались в областные отделы по делам искусств [10, л. 12].

В сеть подведомственных организаций, ответственных за качественное развитие художественной отрасли, вошли недавно созданные Казахская национальная художественная галерея, республиканские творческие организации — Союз художников, Союз архитекторов и кооператив художников в Алма-Ате. Если учитывать огромную важность сферы культуры для создания и трансляции новой модели поведения советских граждан, системы их ценностей [11, с. 566], то создание полноценно функционирующей художественной инфраструктуры в этнорегионе придавало всему процессу развития отрасли осо-

бую актуальность и внутривластное значение. Отметим, что заложенные в конце 1930-х гг. основы республиканского управления в сфере культуры оставались актуальными в течение последующих 50 лет. При этом, если модернизации и трансформации и подвергались ее составные элементы, то сам принцип взаимодействия между властными уровнями, их функциональная нагрузка не изменялись.

Параллельно сложные структурно-институциональные изменения проходили на всесоюзном уровне. С января 1936 г. согласно Постановлению Правительства СССР функции руководства художественной отраслью страны стали возлагаться на Всесоюзный Комитет по делам искусств, получивший права объединенного наркомата и союзно-республиканского органа [7, с. 6]. Таким образом, сложная властная вертикаль включала Всесоюзный комитет по делам искусств (далее — Всесоюзный комитет, ВКИ), фактически выступавший управленческим центром в области искусства страны и республики, республиканское управление по делам искусств, областные отделы, являвшиеся местными органами Всесоюзного комитета. В районных отделах утверждалась должность инспектора по делам искусств [12, с. 7]. Доминирующее положение Всесоюзного комитета было закреплено в Положении о Всесоюзном комитете от 25 сентября 1939 г., пункт 6 которого гласил: «Комитет по делам искусств при СНК СССР руководит работой управлений по делам искусств при СНК Союзных республик. Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР приостанавливает и отменяет приказы и инструкции управлений по делам искусств при СНК Союзных республик, противоречащие законам, постановлениям и распоряжениям правительства Союза ССР, а также приказам и инструкциям Комитета по делам искусств при СНК СССР» [12, с. 4–5]. Усиливающим влияние Центра фактором также стала его кадровая прерогатива в отношении республиканских управлений. На основании приказа ВКИ № 109 от 7 марта 1940 г. и специально выпущенной инструкции руководитель Всесоюзного комитета и его заместитель обладали правом утверждения и снятия с должностей начальников отделов управлений по делам искусств при СНК союзных республик. Утверждению подлежали руководители всех структурных подразделений: отдела театров, музыки, изобразительных искусств, отдела по контролю за зрелищами и репертуаром, отдела художественной самодеятельности [13, с. 80]. Согласование с начальством из системы ВКИ требовалось и для утверждения руководства республиканских учреждений культуры в лице директоров и их заместителей. Несмотря на статус всесоюзного органа, Совет представителей союзных и автономных республик фактически не собирался. Для согласования срочных вопро-

сов созывались особые рабочие группы, «которые на деле занимались преимущественно инспекционными проверками в регионах» [7, с. 6].

Созданные за сравнительно короткий срок областные отделы по делам искусств разнились как по степени квалификации сотрудников, так и по количеству персонала, составлявшего от 2 до 5 служащих, допускались и совмещения должностей. Как, например, в Актюбинске по штатному расписанию 1938 г. насчитывалось 3,5 единицы персонала, включавшие начальника, инспектора по самодеятельности, бухгалтера и реперткома (представителя Комитета по контролю за репертуаром и зрелищами) по совместительству. Бухгалтера как самостоятельной единицы до ноября 1938 г. не было, а весь учет денежных операций вел бухгалтер областного исполкома по совместительству [9, л. 1].

Главными объектами попечения ответственных работников областного уровня являлись театры и многочисленные кружки художественной самодеятельности. Основные статьи расходов включали расходы на организацию курсов повышения квалификации, подготовку и проведение советских революционных праздников, творческих олимпиад, проведение праздничных мероприятий к юбилейным датам, например в 1938 г. в республике широко отмечался юбилей акына Джамбула. При этом у специалистов значительные трудности вызывала работа по составлению разного рода отчетной документации, из-за чего серьезно страдала исполнительская дисциплина. Поскольку присланные в Алма-Ату отчеты содержали многочисленные ошибки, их перепроверка приводила к задержке по срокам исполнения. Ярким примером служебной волокиты служит сдача годового отчета Восточно-Казахстанского областного управления по делам искусств за 1938 г., присланного с опозданием в 68 дней [9, л. 114]. Как свидетельствуют архивные документы, общий сбой работоспособности и медленный темп работы вызывали такие факторы, как нехватка персонала, недостаток уровня квалификации работников, слабость методической поддержки и взаимодействия с республиканским центром.

Известно, что вопросы кадровой политики имели приоритетное значение у высшего руководства страны, взявшего с начала 1930-х гг. курс на ужесточение кадровой работы в партийно-номенклатурных кругах. Надзор за процессом подготовки, подбора и расстановки кадров виделся инструментом достижения политических целей [14, с. 37]. Отдельное направление кадровой работы — оценка результативности назначенных специалистов — требовала проверки и введения дополнительного контроля на местах, или по формулировке того времени: «расширения участков критики и самокритики». На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г.

И.В. Сталиным был обоснован принцип введения двойного контроля как сверху, так и снизу: «Надо восстановить активы партийные и активы беспартийные при наркоматах, при предприятиях — то, что у нас раньше называлось производственным совещанием... Вот одно средство проверки работников снизу: активы партийные, активы непартийные, беспартийные и отчетность на этих активах со стороны руководителей... Стало быть, у нас есть два пути для проверки работников: путь, идущий сверху, от шефа подчиненного, и другой путь — идущий снизу, контроль снизу». [15, с. 15]. Как писали в газетах и журналах того периода, «Прислушиваясь к голосу масс, учитывая их указания, опираясь на массы, можно не только выявить крупнейшие недочеты, вскрыть причины, породившие их, но найти наиболее правильные пути» [16, с. 8]. Таким образом, в организациях и ведомствах устанавливался двойной контроль за действиями членов коллектива и его руководства, как со стороны курирующего органа, так и внутри самого коллектива.

Внешний контроль за деятельностью управлений по делам искусств республик Центральной Азии осуществлялся на постоянной основе инспекторами ВКИ, на которых возлагалась проверка выполнения постановлений партии и правительства по вопросам искусства, а также выполнение приказов и инструкций Всесоюзного комитета. Проводившие обследование сотрудники ВКИ неоднократно отмечали кризисное положение дел в кадрах и отсутствие стабильности в работе управления по делам искусств при СНК КазССР. Так, в докладной записке от 9 ноября 1937 г. старший инспектор Кольцов указывал: «Во главе Управления уже четвертый начальник. Бывшие начальники — Жургенев, Тогжанов, Кайпназаров оказались врагами народа и арестованы НКВД. Сейчас начальником Управления назначен Габит Мусрепов — писатель, бывший до этого культпросом ЦК партии т. Мусрепов близкий друг врага народа Майлина, совместно с которым написал пьесу «Амангельды»... Первичная организация выразила Мусрепову политическое недоверие. Заместителем является тов. Найденов Иван Платонович, член партии с 1926 г. До этого был начальником политотдела по мобилизации ЦК ВКП (б), а потом секретарем обкома комсомола в Актюбинске. Присланный из Москвы комитетом искусств Фаустовский, ранее работавший в Чувашии, оказался авантюристом и снят с работы. Так что в аппарате управления на сегодня тоже нет работников» [17, л. 7–8].

Аналогичные процессы, характеризующиеся высокой сменяемостью управленцев, отсутствием возможности для формирования управленческой элиты, имели место и в Москве, в высшем руководстве ВКИ, где за короткое время сменилось несколько руководителей: П.М. Керженцев проработал на посту

председателя ВКИ около двух лет — с 1936 г. по январь 1938 г. Следующие полтора года (1938–1939) Всесоюзным Комитетом руководил А.И. Назаров, освобожденный от работы весной 1939 г. «по состоянию здоровья» [7, с. 11]. Очередная волна кадровых назначений была связана с прошедшим XVIII съездом ВКП(б) и пришлось на весну-лето 1939 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР председателем Комитета был назначен М.Б. Храпченко, оставшийся на своем посту почти 10-летний период, до 1948 г. [7, с. 12]. По оценкам Т.П. Коржихиной, политика кадровых назначений в конце 1930-х гг. окончательно укрепились в центральных ведомствах и организациях, а также в структурах госаппарата союзных республик. Ее отличительными признаками стали назначения ответработников, формирование особой категории списков утверждаемых номенклатурных должностей и кадрового резерва [18, с. 28–30]. В сложившихся условиях фактической правящей элитой в Центре и на местах становилось партийное руководство. Однако наблюдалось некоторое региональное различие. В отличие от московских инстанций «партийный секретариат на окраинах играл сравнительно скромную роль; решающее значение принадлежало Бюро ЦК КП республики, в которое входили все секретари ЦК, председатель Совета Министров, председатель Президиума Верховного Совета, ряд важных чиновников республиканского масштаба. Бюро принимало решения по всем более-менее принципиальным вопросам и назначало на номенклатурные должности» [6, с. 284]. Таким образом, обойти номенклатурную машину, быть вне системы списков и назначений для ответработника любого уровня было невозможно.

Помимо нарастающего управленческого хаоса, вызванного регулярными кадровыми чистками в отношении руководящего состава, работа ведомства была осложнена внутренними служебными противоречиями, о чем свидетельствуют многочисленные документы, отложенные в РГАЛИ: докладные, служебные записки, резолюции партактива и др. Стоит отметить, что назначенный после отставки Г. Мусрепова, в июле 1938 г. новый начальник республиканского управления — двадцатисемилетний Б.И. Косунов по своим профессиональным характеристикам значительно уступал предшественникам, таким ярким руководителям, как Т.К. Жургенев или Г. Мусрепов, и в аспектах руководства, и как эксперт-профессионал в области искусства. По существу, ответработник высшего управленческого эшелона представлял собой классический образец партийного выдвиженца: в возрасте 20-ти лет был принят в ряды ВКП (б), после завершения курсов марксизма-ленинизма в Алма-Ате — с 1934 по 1937 г. обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина

в Москве. Овладевший марсистско-ленинским учением Б.И. Косунов был назначен на должность заведующего отдела печати Карагандинского КП (б) К, позже — начальником республиканского управления по делам искусств [19, л. 1]. Однако менее чем через год — в апреле 1939 г. — с серьезными обвинениями против действующего руководителя и его заместителя Гончарова выступил бывший заместитель управления Е.П. Мелешко, подавший в центральные партийные органы, а также на имя председателя ВКИ М.Б. Храпченко заявление, в котором отмечалось: «Управление по делам искусств, возглавляемое т.т. Косуновым и Гончаровым, по настоящему не занималось и не занимается руководством предприятий искусства, в силу чего, не зная истинного состояния театров, учебных заведений, изобразительного искусства и т.д., не имея перспективного плана работ, который бы намечал дальнейшее улучшение уже созданных художественно творческих единиц и, наконец, не понимая специфики данного дела..., то не было бы такого положения, в котором находятся сейчас предприятия искусства» [20, л. 1]. Критика Е.П. Мелешко касалась как общего стиля руководства, так и положения дел по ряду направлений: «Уровень театрального, музыкального, изобразительного и других видов искусств еще значительно отстает от выросших потребностей трудящихся масс...» [20, л. 1]. «До самого последнего времени аппарат Управления не был укомплектован полностью, только сейчас все отделы в основном укомплектованы. Но не в этом дело. Дело в том, что атмосфера, которая царит в Управлении, не обеспечивает нормальной работы, полнейший зажим самокритики со стороны Косунова и Гончарова, подхалимство, отрыв от масс, игнорирование решений партийных организаций... зазнайство и все прочее заняли место в системе Управления» [20, л. 4].

В сентябре 1939 г. управленческий кризис стал достоянием общественности — на страницах республиканских газет «Социалистик Казакстан», «Лениншыл жас» были опубликованы статьи, критикующие ситуацию, сложившуюся в Союзе художников Казахстана и управлении по делам искусств, что стало поводом для проведения закрытого партсобрания первичной партиячейки. Партсобрание, проходившее с 12 по 14 сентября 1939 г. в составе 11 членов ВКП (б), констатировало, что руководители управления по делам искусств Косунов и Гончаров не обеспечили руководства искусством в республике, не организовали выполнение постановления ЦК КП(б)К СНК КССР «О дальнейшем развитии искусства Казахстана», в результате чего предприятия искусства работали «крайне неудовлетворительно», о чем говорили следующие факты:

— репертуарные, производственные и финансовые планы рядом театров не выполнялись, главным

образом республиканскими театрами, также наблюдался низкий художественный уровень в театрах,

— Б.И. Косуновым не было предпринято мер к улучшению руководства областными управлениями по делам искусства, которые не отвечали своему назначению, руководящие работники областных управлений искусств (кроме Карагандинской и Алма-Атинской областей) не справлялись с руководством, — на низком уровне проводилась политико-массовая работа управления» [20, л. 16].

Вместе с тем серьезные недостатки в работе наблюдались на уровне предприятий искусства и их управления. Специализированным отделом, курировавшим работу предприятий искусства, являлся отдел Изо республиканского управления, занимавшийся организацией и проведением республиканских художественных выставок, смотров, олимпиад и, осуществлявший взаимодействие с творческими организациями. В 1939 г. отдел возглавил направленный из Москвы профессиональный художник Л.П. Леонтьев. Несмотря на поддержку Москвы, Л.П. Леонтьев достаточно критически характеризовал свое служебное положение: «В отношении себя заявляю прямо, что дальше оставаться на этой работе не буду. Что все вопросы, которые приходилось разрешать, доставались мне тяжело, оттого, что Начальник Управления целиком занят театральными делами, а его заместителя в Управлении искусств нет; оттого, что другие организации туго идут навстречу интересам изобразительного искусства...» [21, л. 22]. Следствием неразрешенных служебных противоречий стало увольнение начальника отдела Изо по прошествии года работы.

Вопреки усиленному вниманию и контролю за художественными организациями республики со стороны курирующего ведомства, к концу 1930-х гг. в отрасли по ряду направлений фиксировалось снижение показателей, о чем свидетельствовали итоги производственно-финансовой деятельности за 1939 г. После периода «открытий», связанных с деятельностью наркома Т.К. Жургенева, т.е. 1935–1936 гг., когда были созданы знаковые художественные институции республики и блестяще проведена первая декада Казахского искусства в Москве, рабочие показатели сменились на более чем скромные цифры. Так, в 1939 г. Казахская национальная художественная галерея была открыта для посетителей 298 дней, при этом организована лишь одна выставка. План по количеству посетителей в галерее был выполнен на 34%, всего галерею посетило 8505 человек при плане в 25 тысяч человек, тогда как в 1938 г. музей посетили 16,4 тысяч человек. Анализ работы показал, что основной причиной послужила плохая организация рекламы и массово-разъяснительной работы на предприятиях и в учреждениях [22, л. 3]. По художественному училищу, открытому при содействии Союза худож-

ников республики, ВКИ обращал внимание на крайне низкий процент обучающегося коренного населения — 6% [22, л. 4]. Для улучшения работы предприятий и учреждений Казахстана Комитет по делам искусств приказывал: «Резко усилить работу по привлечению зрителей в театры, на концерты и картинную галерею, усилив в картинной галерее выставочную работу» [22, л. 25].

Таким образом, изученные материалы позволяют нам сделать следующие выводы: с 1936 г. в Казахской ССР начала выстраиваться региональная система управления художественной отраслью, интегрированная в общесоюзную систему, действующими рычагами которой стали кадровые назначения должностных лиц. Кризисные явления, наблюдавшиеся в художественной сфере республики во второй половине 1930-х гг., были опосредованы общим управленческим кризисом, последовавшим после номенклатурных чисток 1937–1938 гг., они указывают на произошедшую за короткий пе-

риод трансформацию в системе государственных приоритетов, приведшую к замене руководителя-«новатора» на руководителя-«функционера», в полной мере отвечавшего требованиям партаппарата. Усилившими позиции ответственных работников низкого уровня являлись такие факторы, как выжидательная политика руководства ВКИ, постоянное равнение на партийные авторитеты, что, на наш взгляд, объясняет также отсутствие скорых административных решений в отношении Б. Косунова. Известно, что начальник управления оставался на своем посту после многочисленной критики, а в июне 1940 г. принял участие в важнейшем культурно-политическом мероприятии периода — в работе I Съезда Союза художников Казахстана. Кадровые перестановки последовали позднее, после согласования вопроса на разных управленческих уровнях, в феврале 1941 г., когда по постановлению СНК КазССР Б.И. Косунов был освобожден от должности руководителя [19, л. 6].

Библиографический список

- Имангалиев Б.С. Темирбек Жургенов. Алматы, 2012.
- Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1994.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998.
- Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // Вестник МГИМО университета. 2009. № 6 (9).
- Трепавлов В.В., Беяков А.В., Гагагова Л.С. Этнические элиты в национальной политике России / Институт российской истории Российской академии наук. М.; СПб., 2017.
- Головкина Н.Л. Институциональные изменения в системе управления художественной культурой в СССР (30-е годы XX в.) // Государственное управление. Электронный вестник. Февраль 2012 г. Вып. № 30. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk_12 (дата обращения: 24.07.2023).
- Сулейменов Р. Темирбек Жургенов. Астана, 2018.
- Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 19. Д. 254.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 404.
- Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская Федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М., 2022.
- Положение о Комитете по делам искусств при Совнаркомом Союза ССР. Утверждено Советом Народных Комиссаров Союза ССР № 1542. 25 сентября 1939 г. // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. Москва; Ленинград, 1943.
- Инструкция о порядке утверждения и освобождения от работы начальников отделов управлений по делам искусств при СНК союзных республик и руководителей крупнейших учреждений искусств республиканского подчинения // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. Москва; Ленинград, 1941.
- Кузьмина В.М. Кадровая политика в учреждениях культуры в 1930-е гг. в РСФСР // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1.
- Сталин И.В. Заключительное слово. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11–12.
- Комарова М., Врочинская К. Актив музейных работников // Советский музей. 1937. № 5. Май.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 22. Д. 28.
- Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 28. Д. 2514.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 598.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 752.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 20. Д. 85.